

(1) Не знаю, любил ли я отца в эти ранние годы. (2) Едва ли. (3) Я любил Дарью, Дашуру, служительницу и стража нашего дома. (4) Но отец возбуждал мое любопытство, будил фантазию. (5) Каждое утро он куда-то исчезал и появлялся под вечер, когда единственное окно длинного коридора нашей квартиры, обращенное на закат, обливалось оранжевым и на полу под ним ложились светлые, сияющие полосы. (6) То, куда отец исчезал, называлось обычно службой, реже — биржей. (7) Я не знал значения ни первого, ни второго слова. (8) Но второе слово меня чаровало. (9) И до восьми лет, когда я пошел в школу и научился хитрить, на обычный вопрос взрослых: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» — я с гордостью отвечал: «Биржевиком».

(10) Я знал, что с таинственным словом «биржа» связаны и те красивые денежные знаки, которыми мне давали играть. (11) Дети любят играть в куплю-продажу, инстинкт торговли, мены, наверное, один из древнейших человеческих инстинктов. (12) Летом, на даче, в погожие дни мы, ребята, играли в «зеленщика» — листья подорожника были салатом, его зеленые, пупырчатые стрелы — огурцами, другие травы означали морковь, капусту, петрушку, репу, свеклу; в ненастье мы играли в «кондитерскую» лепили булочки из грязи, в особых формочках «пекли» всевозможные пирожные и кексы из мокрого песка; зимой мы играли в скобяные, москательные лавки.

(13) На этих игрушечных торжищах мы расплачивались не бумажками и щепочками, а красными, синими, узорчато-белыми, тугими, пахучими, хрустящими деньгами всех пяти континентов. (14) Деньги раньше марок одарили меня волнующим ощущением широты, безграничности мира. (15) Биржа казалась мне и портом и кораблем одновременно, а вернее — воротами в огромный, захватывающий дух простор жизни. (16) Отец был путешественником, единственным путешественником в нашей семье. (17) Остальные были так же пригвождены к квартире, как и я сам. (18) Дашура ходила за съестным до того, как я просыпался; мамины вечерние выходы происходили поздно, когда я уже спал. (19) Один отец на моих глазах с каждодневным, неиссякающим бесстрашием исчезал в неведомом. (20) И меня тянуло за ним, тянуло в мир, где хрустят, переходя из рук в руки, все эти красные, голубые, зеленые, синие деньги.

(21) У нас в коридоре, наискось от окна, глядевшего на закат, находился чулан. (22) Две стены у него были настоящие, капитальные, а две — дощатые, оклеенные обоями, в три моих роста и много не достигающие до потолка. (23) Когда мысль о путешествии овладела мною, благородная крутизна этих двух стен увиделась мне бортами корабля. (24) Небо за окном обернулось морем. (25) Нелепый, увенчанный башенкой купол армянской церкви, стоявшей напротив нашего дома, стал чем угодно: маяком, островом, городом, пиратским судном, а сам я капитаном, готовым вести свой корабль, окрещенный «Биржа», в таинственную страну биржевиков на розыски моего отца. (26) Было все: корабль, маршрут, море, решимость, цель. (27) Не было главного: навыка к отвлеченности, к мечте.

(28) Я читал лишь одну, самую неромантическую книгу о путешествиях «Робинзон Крузо». (29) Книгу, наполненную мелочной заботой об одежде, жратве, хозяйственной утвари. (30) Возможно, другой человек выносит из этой книги простор, полет, ветер. (31) Но я, что соответствовало, видно, моей комнатной природе и убогому реализму воображения, помнил лишь ее «хозяйственную» сторону: бесконечный преискурант всевозможных вещей и продуктов, частью созданных, главным же образом выловленных Робинзоном в море, найденных им на затонувших и потерпевших кораблекрушение кораблях. (32) Мне и сейчас эта книга представляется гимном торжествующему быту.

(33) Я не догадывался о том, что чувствует человек в море, между звездами и грозными, ночными волнами, но я, постоянно тершийся на кухне, хорошо знал, какая полезная штука — примус. (34) Без примуса я не мог выйти в плавание. (35) И я полдня

мастерил примус из старой консервной банки, проволочки и пуговицы. (36)Мне надо было, чтобы этот примус накачивался, иначе его не разжечь. (37)Справившись с этой задачей, я приступил к дальнейшим сборам. (38)С тщанием, какому позавидовал бы сам Робинзон, я запасал питьевую воду, солонину, галеты, масло, соленую рыбу, спички, порох, свечи, одежду, спальные мешки, бумагу, карандаши, почтовые марки. (39)Я не забыл даже учебника немецкого языка — в ту пору ко мне уже ходила немка. (40)Эту кропотливую работу я прерывал лишь для воображаемого завтрака, ведь и для Робинзона трапеза была священным обрядом его островной жизни. (41)Этот условный завтрак — рагу из чурочек, салат из обрезков маминой зеленой шелковой юбки — по сложности приготовления и поглощения занимал куда больше времени, чем обыкновенный, настоящий завтрак. (42)Когда я разделался с ним, окно, глядевшее на закат, облилось розовым, затем желтым, в окнах башенки, венчавшей купол армянской церкви, зажглись красные огоньки, и она, как никогда, стала похожа на маяк. (43)Можно отплывать. (44)Я уже собирался отдать команду, но в кухне тренькнул звонок, хлопнула дверь, и мимо борта моего корабля, размахивая толстым, таинственно и туго набитым портфелем, быстро прошел отец: легкий, бодрый, со смугловатым, будто обдутым южным ветром лицом. (45)Он вернулся, вернулся сам, не дождавшись меня, из далекой страны биржевиков.

— (46)Обедать!.. — послышался голос мамы, и, грустно окинув взглядом свой прекрасно оснащенный, с поднятыми парусами, с полными трюмами, готовый к покорению пространства корабль, я сошел на сушу.

(47)Путешествие так и не состоялось. (48)Но зато сколько их было потом, сколько верст проделал я по следам отца: далекий Иркутск, душный, пропыленный Саратов, первое чудо Ленинграда, забытый богом Егорьевск, Кандалакша среди поросших карликовыми соснами сопки и похожих на осколки зеркала озер, край, разлинованный, как ученическая тетрадь, рядами колючей проволоки, страшная Рохма...

(49)И был день, когда отец снова не дождался меня. (50)Я был нужен ему, он звал меня, звал последним зовом, и я не поднял обвисших парусов. (51)И тогда, так и не дождавшись, он ушел в то последнее далеко, откуда уже нет возврата.

(По Ю. М. Нагибину*)

Нагибин Юрий Маркович (3 апреля 1920, Москва — 17 июня 1994, Москва) — русский писатель-прозаик, журналист и сценарист.